

О поэзии Елены Наильевны.

Курлы-мурлы наяды городской

(о поэзии Елены Наильевны)

«Ну как я прочитала? Нормально?» – взволнованно спросила, вернувшись за наш столик, поэтесса Х. Тут же она получила множество комментариев, в основном приятных, а самыми точными – на мой взгляд – оказались слова поэта Алексея Григорьева. Он отметил, что пока среди всего прозвучавшего ее стихи были «наиболее аутентичными». Вот, бинго! Аутентичными! Я обрадованно развернулась к нему. Я и сама в последнее время ищу в поэзии именно этой штуки: ощущения авторской аутентичности. Которую,

впрочем, каждый понимает по-своему. Я понимаю так: это когда автор отчётливо равен самому себе; когда текст и человек соотнесены особым образом: между ними найден самый короткий путь. И это отнюдь не банальная прямая. Это скорее мостик, или, ещё точнее, момент успешного «переброса» с одного берега на другой. Что именно «перебрасывается», вытянув ложноножку и закрепившись с ее помощью на берегу читательского восприятия, — предмет отдельного обсуждения... и отличный повод поговорить о стихах Елены Наильевны.

Потому что она – тоже. Из таких, «наиболее аутентичных». Выдающих на-гора породу эксклюзивной, частной подлинности, добытую из чувственного опыта жизни, чувства себя. Сравнение с рудодобычей кажется мне удачным еще и потому, что во многих случаях в стихах Е.Н. присутствует намеренная «чумазость» стиля, все эти «чо такого», «ну а чо», «люблюлюблю», «хрю», «комон», «блин, Онегин», и прочая суровая правда речи обывателя/ обитателя соцсетей. Елена Наильевна не отбрасывает этот материал как ненужный шлак, использует его дерзко и со вкусом – я думаю, исключительно из верности своему принципу. А принцип, вполне возможно, у неё таков: если переводишь жизнь в поэзию, делай это максимально близко к оригиналу. Предельно близко. Так близко, насколько хватает таланта, души, дыхания... смелости.

Дыма седая просинь.

Неба ночной винил.

Ты же меня не бросил.

Ты меня уронил.

Разницы, впрочем, мало.

Я раскололась – бдзынь! –...

« [Ты меня уронил](#) »

Помню, много шума наделало это «бдзынь» на недавнем Чемпионате Балтии: во-первых, принесло автору серебро, во-вторых – вызвало бурю возмущения в духе «было столько серьёзных, сложно- и тонко- устроенных, высокоштильных стихов, а победило бдзынь!!!» На что хочется, пожав плечами, ответить: ну да. А почему бы и нет? Если убрать из этой фразы нотку негодования и осмыслить ее в нейтральном ключе, просто как факт, как данность, то можно прийти к разным интересным выводам.

Например, о природе *тонкости* в поэзии. Обязательно ли тонкость – синоним сложности, неочевидности, мерцательности смысла, «разбрызганности» его по тексту фрагментами пазла, словно островки клюквы на болоте – дабы интеллект читателя, уподобясь скребку для сбора ягод, прочёсывал гущи и кущи ассоциаций в поисках того, что действительно хотел сказать автор.

Я вот считаю, что Елена Наильевна – тончайший лирик. Но ее тонкая, нежная, ажурная, как чулки от Гуччи, лирика бывает даже не то чтобы «дана напрямую» – нет, всё гораздо запущеннее: она бывает выдвинута читателю, как предъява, с шиком-гиком-эпатажем заголена перед ним, как те самые «филеи» из стихотворения про усталый поезд, которое я, пожалуй, приведу здесь целиком:

Тётки на нижних ехали, я на верхнем.

Тётки, не замолкая, весь день трындели,

что, например, мы женщины, мы померкнем,

нам уж и так уж не до утех в постели.

Будем беззубо шамать кусочки репы

(мы и сейчас не больно нужны на свете),

только семья останется, только скрепы:

верность, любовь, святые Февронья с Петей.

Я отраженье кривое ловила в блюде,

рану души черешней себе врачуя.

Думала: "Боже, когда же они заткнутся?"

Как же хочу тишины, тишины хочу я!

Этого пресловутого поездного

"ты-дым, ты-дым", в окне проводов, как нитей,

книги, облупленных станций, и книги снова

да молчаливых задумчивых чаепитий.

Чтобы не то что слово - а взгляды редки,

мутным белёсым глазом, как у селёдки".

Только не унимались мои соседки.

Хрен там, не умолкали мои трещотки.

Плёлся седыми полями усталый поезд.

Я, не придумав, как объяснить толково,

спрыгнула с полки, достала чулки и пояс

и, оголяясь (тётки же, чо такова),

стала натягивать, медленно и лениво.

Тётки заёрзали, вперившись мне в филеи.

Мимо в окне проплывали, желтея, нивы,

а вдалеке забрезжил закат, алея.

Поезд качался, как на колу мочало.

Я же, не отступая, включила дуру:

"Вы, - говорю, - спросили, а я молчала".

"Я, - говорю, - к любовнику еду, в Тулу.

Он там меня встречает с букетом лилий.

Он сверхсекретно записан в моей "мобиле".

Дальше всё будет сразу в автомобиле.

А на мораль и общество мы забили".

"Нам, - говорю, - по нраву вот эти позы,

а вот такие в моде сейчас едва ли".

Тётки салфеткой вытерли абрикосы

и до конечной станции их жевали.

Были стаканы с чаем слегка прыгучи,

и огоньки станционные в них плясали.

Я же лежала на полке в чулках от Гуччи,

и тишина стояла, как ножик в сале!

Я засыпала...Сухая темнела балка...

Между стеклом и рамой пожухла муха...

Мне показалось, шепнула одна: "Хабалка".

Или приснилось, вторая зевнула: "Шлюха".

Я улыбнулась, кажется, им в ответ, а

мир закружился,

рассыпавшись в миг на части:

"ты-дым, ты-дым" - и только полоски света,

"ты-дым, ты-дым" - и так до конечной.

Счастье.

[Плёлся седыми полями усталый поезд](#)

Эротизмом, игривыми самоироничными ню-презентациями лирика Е.Н., конечно же, не ограничивается – они только внешнее, броско-заману́шное, призванное завлечь читателя и обаять, пустив радужную пыль в глаза. Лирика женскости, чувственности, лирика тела. На этом уровне – внешнего и вещного – героиня Е.Н. всегда или как правило во что-то одета (чулки и пояс, лабунтены, длинный плащ, пуанты с пачкой, платице из сатина, китайский халат с яблоневым узором, туфельки; или же «почти одета», или «одежда сброшена на ковёр» – и это только в одной присланной мне подборке из 15-ти текстов!). И на этом же уровне автор наиболее ироничен. Тут присутствуют все оттенки, фасоны и бренды иронии, от лёгкого любовного подтрунивания – через фонтанирование остроумием – вдоль феерического бурлеска – сквозь дикий сад изощрённых каламбуров – и до мрачноватого сарказма.

Менделеев Дмитрий Иванович

М. 1997. - 112 с. ISBN 5-239-00190-9

ИМХО-КЛУБ